

Охота удавалась ровно настолько, чтобы Баки всегда имел что-то для обмена на молоко. Сегодня он сбил пару белок с шикарными серыми хвостами и немало переживал, возьмёт ли хозяйка такое подношение. Однако, женщина осталась довольной и сверху завязанного тряпицей горшочка молока положила ещё немного завёрнутого в ветошь творога.

Баки ликовал. Он думал, что уже забыл, каким нежным творог бывает на вкус. Проклиная себя, он съел его задолго до того, как дошёл до землянки. Стыд разъедал нутро, пока он, отставив молоко в снег, тыкался носом в тряпицу и глотал кисловатый творог, но остановиться был не в силах. В тот день он не мог смотреть друиду в глаза, а тот, казалось, всё про него знал и скалился в ответ. Наконец, когда Баки не выдержал и спросил, что ему нужно, тот хмыкнул:

— У тебя творог в бороде запутался. Вкусный был?

Рыкнув, Баки отряхнул бороду, выбрался за шкуру и отправился в лес с топориком для рубки дров. Он сам себя корил за слабость, но теперь и вовсе было стыдно так, что дальше некуда. Срубив нетолстый берёзовый сук, Баки потащил его к землянке. Бежать было некуда, и он думал, что пускай друид думает про него, что угодно. Его дело — за малым. Он не отступится.

Но друид, сладко устроив руку под голову, уже сопел и видел сны. Баки вздохнул с облегчением. А когда лёг, привычно обнажившись, и прижался к друиду своим телом, обнимая, тот тихо выдохнул:

— Всё в порядке. Я не сержусь.

И Баки фыркнул на это, а потом извиняющимся жестом потёрся носом о тёплую шею.

*

Дни шли за днями, и Баки, то делавший зарубки, то забывающий обо всём на свете в круговерти дел, вдруг почувствовал однажды утром, как в воздухе что-то поменялось. Это был запах, совсем другой, не такой как бывает зимой. Он игриво щекотал ноздри, заставляя принюхиваться и улыбаться чему-то, глядя на чуть просевшие снега.

Стив сидел тут же, на шкурах, на солнышке, привалившись спиной к нагретой стене землянки. Он жмурился и улыбался под солнечными лучами, а потом вдруг негромко выдохнул:

— Весна скоро, Баки. Чувешь?

Баки ничего не ответил. Он смотрел на друида во все глаза, и чувствовал, как в горле встаёт давно забытый ком.

«Он даже не ходит ещё», — шептало ему подсознание.

«Словно это чем-то может помешать. Это даже на руку», — подзуживало что-то тёмное и изголодавшееся внутри.

Баки зажмурился и, резко развернувшись, отправился в лес — проверять силки.

И то правда, весна подступала. Он весной всегда как с цепи срывался.

Стив теперь заставлял его вымораживать землянку, приподнимая шкуру и впуская внутрь воздух и солнечные лучи. Так случалось каждый день, и Баки соглашался, только ворчал:

— Застудишься ведь.

Он так и поил друида ведьминым молоком, и Алая снова приходила, отдавая ему очередной мешочек с травами. Она больше ничего не говорила. Только лицо её перекашивала неровная улыбка, и непонятно было, то ли она одобряет происходящее, то ли издевается.

Полтру, как вернулся, Баки сел над очередным горшочком с молоком и, наткнувшись на странный взгляд друида, хмуро бросил:

— Отвернись.

Тот уже поднимался на локтях и сам мог приподнять тело, опираясь на обмазанную глиной стену. Он креп день за днём, и часто, сидя на улице под солнцем, тёр свои босые ноги какими-то травками, приговаривая на непонятном языке. Баки в это не вмешивался. Глаза друида казались ясными, а щёки на свежем воздухе здорово розовели.

Друид без слов лёг и повернулся к Баки спиной. Но теперь даже этого было много. Свежий воздух манил запахами, означавшими скорый поворот на весну: пахло медленно тающим снегом и мокрой корой, и просыпающимися почками. Пахло жизнью. Баки последние дни всегда смотрел на затылок Стива, когда трогал себя. На его тонкую бледную шею, на разворот широкого плеча, остро поднимающегося над шкурой. На тонкое запястье руки, которой Стив будто обнимал сам себя, пока Баки гладил свою плоть снова и снова, мучительно долго приближаясь к грани. Баки снова перебрался ночевать на свою лежанку, потому что спать с друидом под одной шкурой стало невыносимым испытанием.

Он крепко зажмурился, принимаясь быстро-быстро наглаживать головку, вспоминая, как постыдно и безнаказанно тёрся о голые ягодички друида давным-давно, пока тот ещё спал. И эти запретные мысли всегда приводили его за край — он шумно выдохнул и, замерев на миг, почувствовал, как тёплое семя брызнуло, орошая его пальцы.

Баки открыл глаза и вдруг увидел, что друид смотрит прямо на него, приподнявшись на локтях. Взгляд этот ошпарил, пригвоздил и не давал дышать. Драгоценное семя стекало по пальцам мимо молока. Щёки друида горели, и в блестящих глазах отражались шальные искры

очага.

Он, не отводя колдовской взгляд, требовательно протянул к Баки руку. А Баки не придумал ничего лучше, как заторможенно потянуться в ответ, сокращая разделяющие их шаги. Он не в силах был оставаться на своём месте — полз к друиду на голых коленях, чувствуя, как болтается под свободным килтом ещё не опавший член.

Друид цепко впился ему в запястье своими отросшими ногтями и, упав на спину, притянул руку ко рту.

И принялся влажно, торопливо вылизывать запачканные семенем пальцы.

<http://erolate.com/book/3459/83636>